

И. С. Гурвич

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ТРАДИЦИОННОЙ ОБРЯДНОСТИ КОРЯКОВ

Сохраняющиеся еще среди коряков религиозные воззрения и обрядность пережиточного характера представляют значительный интерес для понимания ранних форм общественного сознания и архаических особенностей религиозного восприятия мира, поэтому Северо-Восточный отряд Северной экспедиции Института этнографии во время полевой работы в Корякском автономном округе в 1980—1982 гг. производил сбор материалов и по этой тематике. Удалось собрать сведения о промысловых праздниках оленеводов, о почитаемых предметах-охранителях и семейных святынях, а также наблюдать обряды, связанные с похоронами.

Работа с информаторами показала, что за последние два десятилетия традиционная праздничная обрядность коряков-олeneводо-в и в особенности береговых коряков упростилась, а частью и забылась. Береговые коряки Пенжинского и Олюторского районов, живущие теперь по большей части вместе с оленными в крупных поселках, перестали устраивать праздники по случаю добычи крупных морских зверей, а также проводы их душ в море после сезона охоты. Участников таких церемоний нам встретить не удалось. Праздники укладки остовов байдар на зиму, спуска байдар на воду с жертвоприношением собак перестали устраиваться, видимо, в конце 1930-х гг.¹

В Карагинском и Тигильском районах потомки береговых коряков продолжают отмечать некоторые промысловые праздники, но в весьма упрощенном и модифицированном виде. В Караге сохраняются воспоминания о празднике Хололо. Это традиционный праздник коряков, хотя некоторые его особенности совпадают со старинными праздничными церемониями ительменов (наделение всех гостей травой, лаутом и исполнение танцев с листом этого растения)². Праздник Хололо теперь устраивают только две семьи старожилов, и то, если им удастся запасти в достаточном количестве нерпичий жир и ягоды для приготовления праздничного блюда — толкуши. Основные элементы праздника теперь — танцы под бубен и угощение. Кручение обрядовой вертушки — гадание — и другие церемонии не производятся или устраиваются семьей после ухода гостей.

Нерпичий праздник, судя по виденному в пос. Лесном, свелся к танцам под бубен и вкушению традиционного блюда³. Обрядовое

сожжение изображений убитых животных и гадание уже не производятся.

Праздничная обрядность у оленных коряков также в значительной мере ушла в прошлое, однако при облете оленеводческих бригад совхоза «Манильский» выяснилось, что праздник возвращения стада с летовки, так называемый «праздник забоя короткошерстных оленей», в некоторых бригадах отмечается, хотя и в несколько упрощенном виде. Этот праздник приезжее население называет праздником молодого оленя. Торжество устраивается только в тех бригадах, где есть престарелые. Многие обряды этого праздника, считавшиеся весьма важными, исчезли. При забое телят на меховую зимнюю одежду устраивают угощение, используя особую обрядовую посуду, выносят связки охранителей, украшают дымовое отверстие в яранге зеленью. Жертвенных оленей перед забоем поят водой. Мы наблюдали и обряд «веселения важенок», ищущих своих телят.

Корякские и чукотские промысловые праздники представляли собой не столько развлечения или торжества, сколько магические обряды. Во время их хозяева и гости работали в поте лица: мужчины вылавливали оленей и забивали их, женщины разделывали туши, готовили соответствующие блюда и так уставали, что нередко падали в обморок.

Виденные нами в оленеводческих бригадах совхоза связки охранителей состояли одна — из огневой доски — главного охранителя стада, лучка и стержня для высверливания огня, оленьего копыта, грубо исполненных деревянных изображений собаки, оленя, небольшого посоха, курительной трубки умершего хозяина, трубки какого-то родственника (умершего), аркана, куска рога дикого оленя и нескольких рогулек-охранителей. Другая связка священных предметов состояла также из огневой доски (неиспользуемой), жертвенной ложки, охранителей-рогулек и полового члена самца-оленя. Третья связка содержала три связанные между собой жердочки, символизирующие основные шесты юрты, еще три — боковые шесты; обрывок чаута, клочок подшейной шкуры оленя с длинным белым подшейным волосом, прядь человеческих волос, часть пояса умершего, обломки лучка для возжигания огня, старую огневую доску. Огневые доски и охранители в одной из бригад были вынесены из яранги в связи с праздником забоя оленей на одежду. Около этих семейных святынь стояло копьё, под наконечником которого был подвязан узкий ремешок с бусиной. Огневые доски, смазанные жиром, были обвязаны «ошейниками» из кишок оленей. Во всех случаях огневые доски и связки охранителей находились на попечении пожилой женщины — жены или матери хозяина яранги.

Все эти охранители для коряков выступали частями или моделями многообразных явлений мира, окружающего оленевода и охотника⁴. Каждый из амулетов обеспечивал в глазах населения благожелательное отношение стихий природы к людям и даже, как считалось, позволял членам семьи посредством этих предметов воздействовать на те или иные явления. Хранение всех этих реликвий признавалось необходимым для того, чтобы блага земные «были близко»

и не исчезали. По мнению верующих, так обеспечивалась магическая связь между семьей и окружающим миром, а также миром потусторонним. Своей сверхъестественной силой охранители должны были способствовать благосостоянию семьи. Чем причудливее были амулеты, чем сложнее было их происхождение, тем сильнее считалось их могущество и, следовательно, могущество их владельцев.

Однако отношение хозяев к священным предметам было во многих отношениях удивительным и даже парадоксальным. Нередко от того или иного охранителя легко отказывались и изготавливали новый. Так, например, куклы, хранившиеся в связке и обеспечивавшие, как считалось, плодovitость семьи, на праздниках попадали в руки детей и нередко оказывались порванными. Таким образом, особого почтения к амулетам не проявляли. Но в случае заболеваний, несчастий старались скорее заполучить себе магическую охрану. Отношение к охранителям во многом зависело от воображения изготовителя, от советов «знающих людей», от истолкования сновидений. Огневые доски и магические предметы использовались также на промысловых праздниках оленеводов, на магических церемониях, обрамлявших значительные этапы хозяйственной жизни, такие как благополучное возвращение стада с летовки, забой оленей для заготовки одежды, окончание отела и т. п.

Каких-либо отличий в использовании на праздниках священных охранителей между оленными чукчами и оленными коряками нам наблюдать не довелось. Все же в корякских наборах чаще, чем в чукотских, встречались посохи, а огневые доски имели более антропоморфный облик и нередко короткие ножки или развилки⁵. «Голова» огневой доски в некоторых связках, виденных у коряков, была обвязана толстым жгутом травы и тальника.

Лоснящаяся от жира огневая доска в виде массивной рогульки из корня с четко вырезанным лицом, показанная нам в пос. Седанка, была очень похожа на те, которые удалось сфотографировать В. И. Иохельсону у береговых пенжинских коряков⁶.

По словам наших информаторов, огневые доски перестали использоваться для возжигания «чистого» огня на праздниках всего 10—15 лет назад. В некоторых семьях все же сохраняются огневые доски, в других они заменены в связках охранителей имитациями — небольшими дощечками с головкой, напоминающей человеческое лицо, и углублениями.

В двух стойбищах около яранг стояли небольшие конусы из земли с воткнутыми в них веточками. Очевидно, здесь, так же как это зафиксировано в других местах на севере Камчатки, после осеннего забоя кости жертвенных оленей были сожжены, смешаны с землей и золой, и всему этому был придан вид яранги. Вокруг сооружения была рассыпана зола от сожженных костей.

На осеннем празднике использовали особый обрядовый бубен (рис. 1). В отличие от танцевального, с внутренней стороны на ободке такого бубна укрепляли несколько бубенчиков и металлических колец, а в некоторых семьях еще и подвязывали небольшую «куклу» из тряпок или травы, обвитую бисерной ниткой (рис. 2). Хранили-

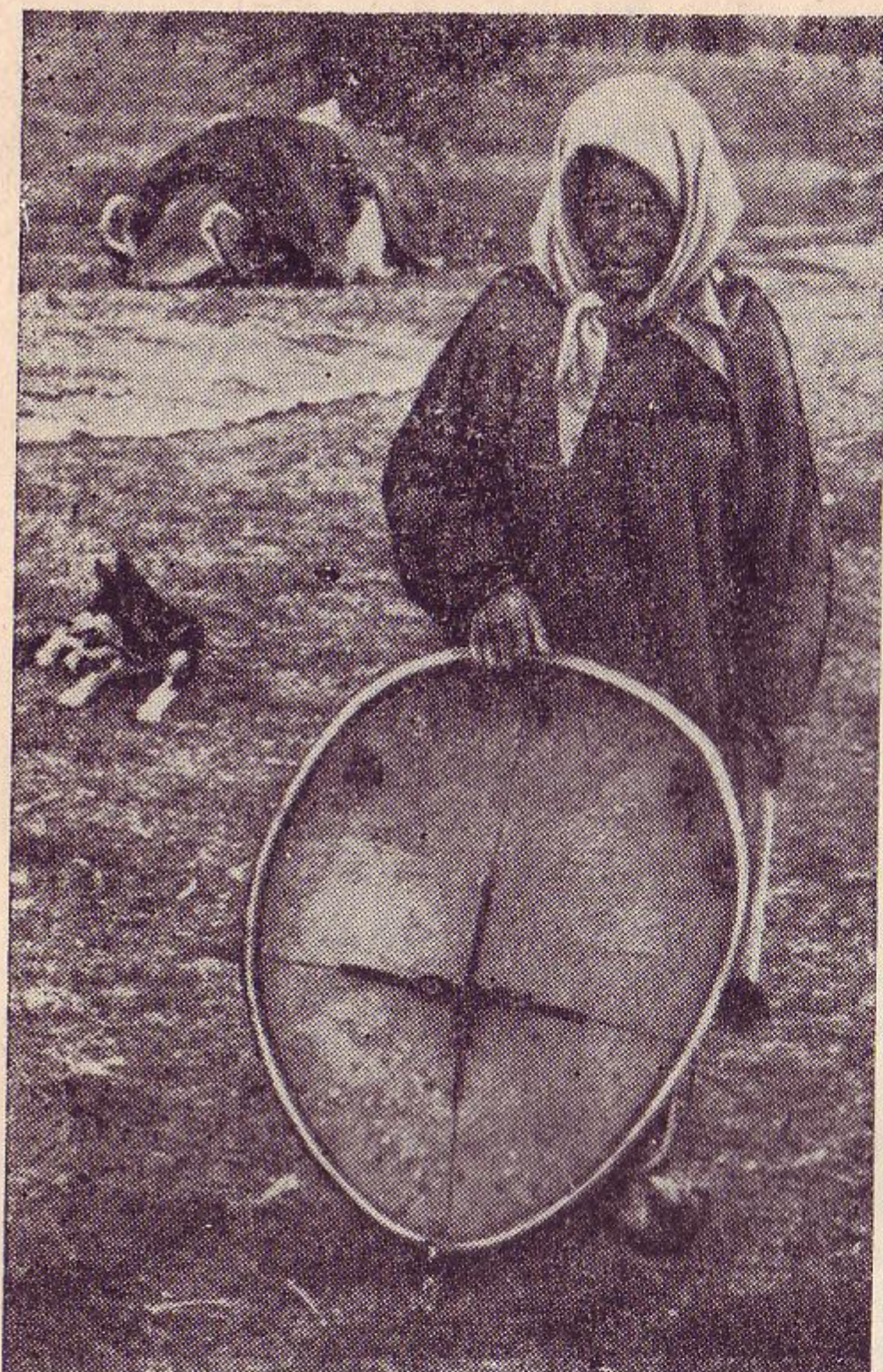

Рис. 1. Обрядовый бубен, с. Верхняя Парень.

щем для обрядовых бубнов служили мешки из оленьей шкуры, или ровдуги.

У некоторых пожилых женщин, преимущественно в оленеводческих бригадах, сохраняются *аняпели* — амулеты из небольших камней овальной формы, обшитых замшей или шкуркой тугута, богато расшитой бисером. К обшивке подшивались длинный ремень, также украшенный бисером, и связки бисера (рис. 3). Некоторые амулеты имеют антропоморфный вид. Основное назначение аняпеля состояло в определении, кто из родичей возродился в новорожденном и, соответственно, какое имя присвоить младенцу. Для этого аняпель подвешивали на треноге или на наклонном колышке, воткнутом около костра, и называли имена. За ответ принимали покачивание камня-аняпеля, совпадающее с произнесением того или иного имени. После

деремонии гадания, а в некоторых семьях и перед ней, камень «кормили», т. е. смазывали оленьим салом. Если «ответ» признавался удачным, к камню привязывали нитку с нанизанным на нее бисером. Это считалось подарком. Аняпель клали под постель заболевшему. Таким образом, этому амулету придавалось лечебное и охранное значение.

По данным В. И. Иохельсона, аняпель использовали также для гадания перед дальней дорогой, после смерти кого-либо, а также на праздниках. Во время гадания произносили заклинания⁷.

Аняпель в переводе означает «маленькая бабушка». Все действия с этим камнем производили женщины. Хранился амулет у хозяйки дома в расшитом бисером мешочке из замши.

Аняпели разных форм нам приходилось видеть у гижигинских оленных коряков в Северо-Эвенском районе, в Тигильском районе в поселках Лесном, Напана и Седанка. Женщины обычно хранили аняпели на чердаках или в сараях, в каких-либо сумках или мешках, чтобы до них не добрались дети. Виденные нами аняпели в пос. Седанка представляли собой плоские камни, обшитые ровдугой, украшенные бисерными нитями, жгутами и розетками. Нитки бисера рассмат-

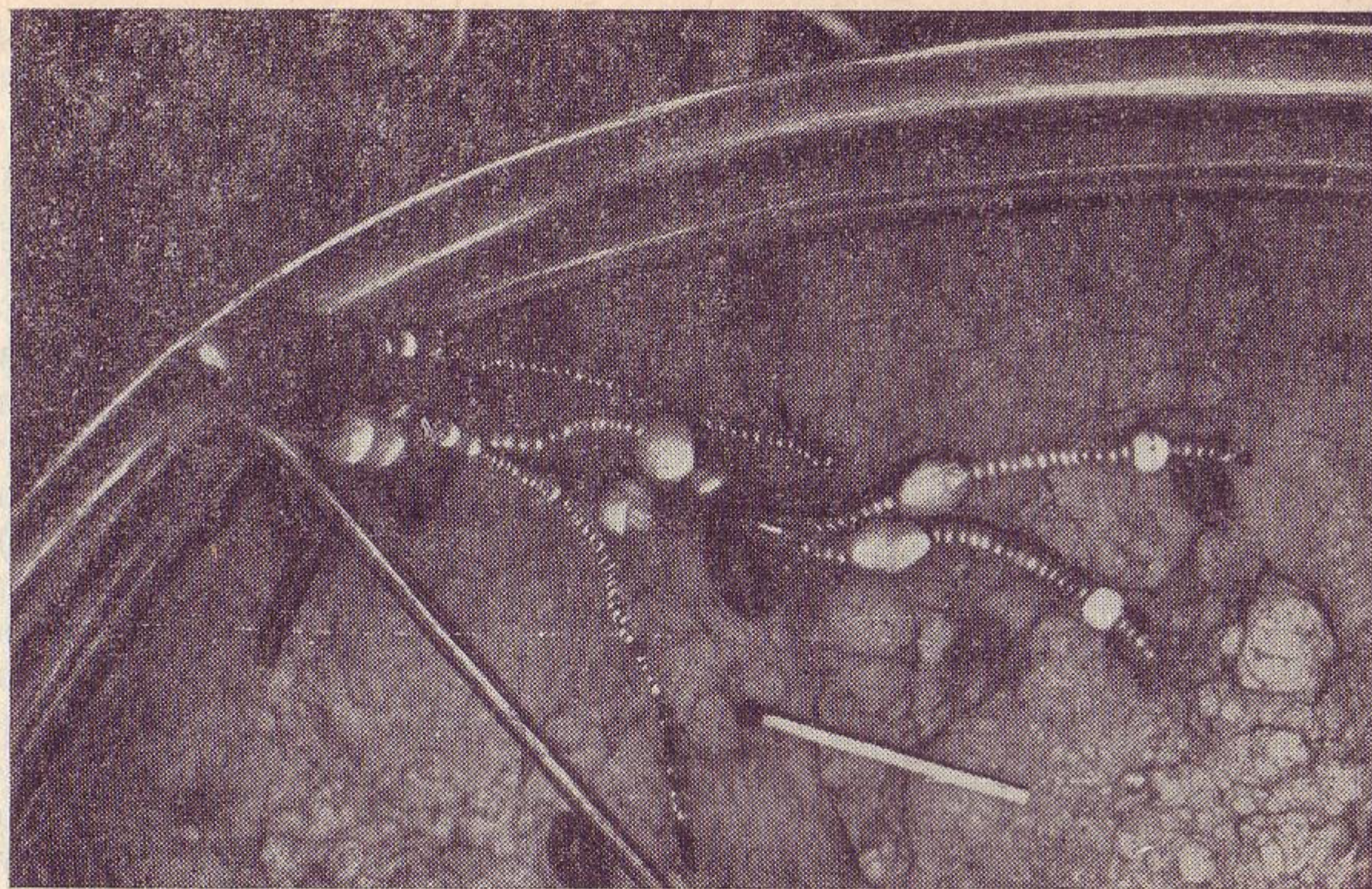

Рис. 2. Охранитель бубна, с. Верхняя Парень.

ривались нашими информаторами как благодарственные жертвы аняпелю, а розетки — как пожелание счастья. К некоторым виденным нами аняпелям были подшиты пучки подшейного волоса. Один из аняпелей представлял собой неолитическое рубило из обсидана. Хозяйка полагала, что это метеорит. Камни для аняпелей, по ее словам, разыскивали обычно мужья на вершинах сопок.

В пос. Манила нам была показана сумка из ровдуги (замши) с набором аняпелей разных форм (рис. 4). Каждый аняпель находился в особом меховом округлом или продолговатом мешочке, окаймленном ровдугой со вздержкой для завязки.

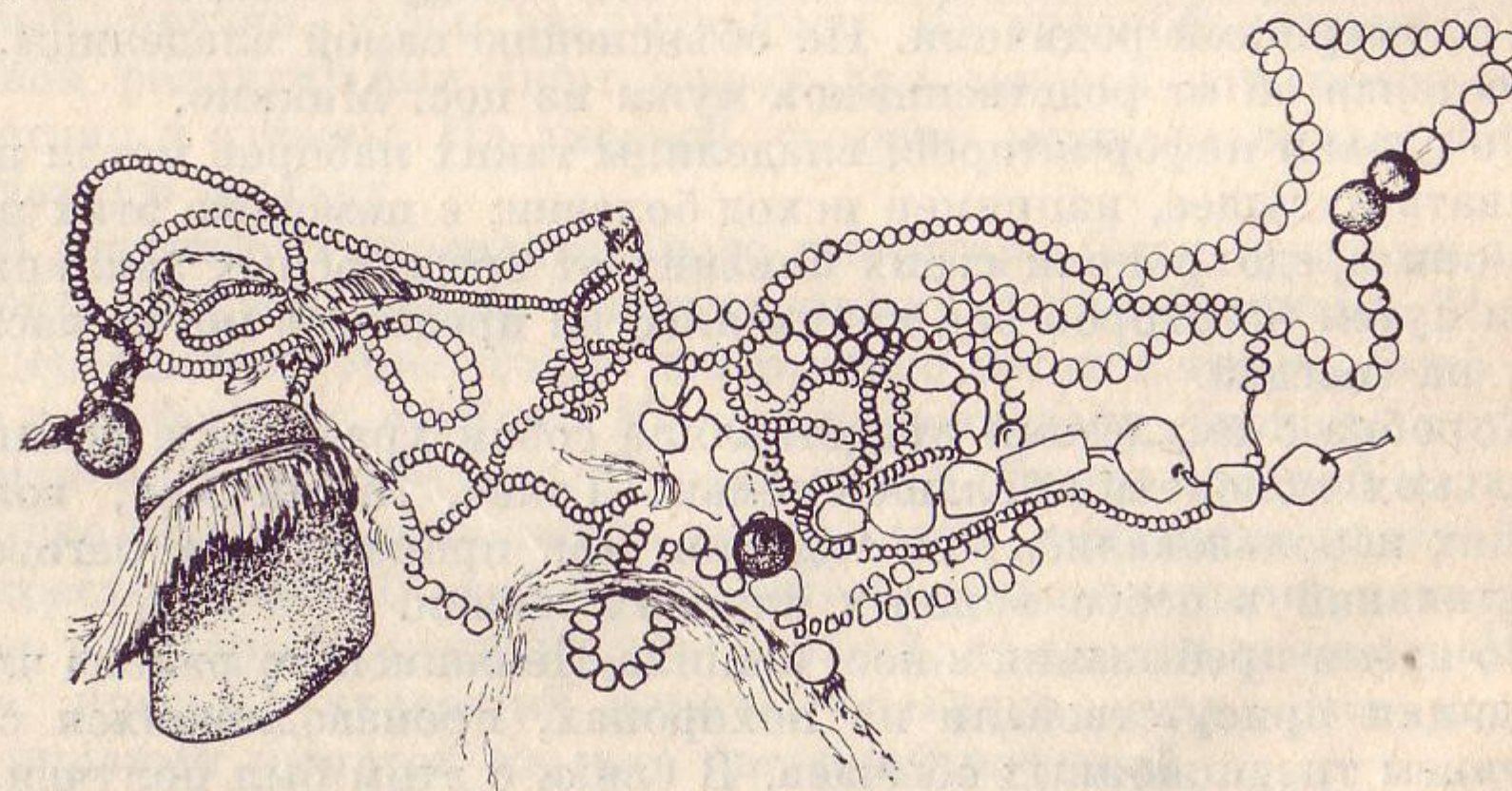

Рис. 3. Аняпель — гадальный камень, пос. Манила.

Рис. 4. Сумка для хранения амулетов, пос. Манила.

Еще один виденный нами набор амулетов также хранился в расшитом бисером и украшенном бахромой особом ровдужном коробе высотой около 20 см, с круглым дном; по бокам к нему были пришиты шесть бисерных связок, каждая из которых имела от 10 до 20 ниток бисера — подарков (рис. 5). Главным амулетом в этом наборе считалась массивная воронья лапа, почерневшая от времени, также украшенная связками бус и бисера. Здесь же находились три камня, обтянутые нерпичьей кожей, с подшитыми к каждому бисерными висюльками.

Кроме них в сумке оказались железные пуговицы, споротые, видимо, с одежды умершего родича, крупные бусы, преимущественно белые. Здесь же были мешочек, украшенный бисером, клоч лисьего меха⁸, пряди человеческих волос, раковина, зашитая в кожу, сушеная трава, бубенчики от бубна, обрезки оленьей кожи и ремешок с узелками (реликвия от похоронной церемонии), а также два камня, клавшиеся, как нам сообщили, на тело умершего, когда он лежал в яранге или землянке. Наличие в наборе реликвий, связанных с похоронной церемонией, свидетельствует о том, что в целом он представлял собой комплекс семейных святынь, предназначенных для поддержания магической связи между живыми членами семьи и умершими родичами. По объяснению самой владелицы, набор достался ей от родственников мужа из пос. Микино.

По словам информаторов, владелицы таких наборов могли предсказывать будущее, например исход болезни; с помощью этих предметов они предохраняли своих близких от вредных заклинаний и сами путем наговоров над каким-либо из предметов могли наслать порчу на соседей.

Коробка с амулетами представляла собой хранилище реликвий нескольких поколений большой семьи. Трава, лисий мех, волосы умерших использовались при гадании, при произнесении заговоров и заклинаний в особо важных случаях жизни.

Во время пребывания в пос. Манила Пенжинского района члены экспедиции присутствовали на похоронах, производившихся с соблюдением традиционных обычаев. В связи с этим был получен ряд сведений об особенностях похоронного обряда береговых коряков. Умершего провожали в течение двух дней, похороны состоялись на

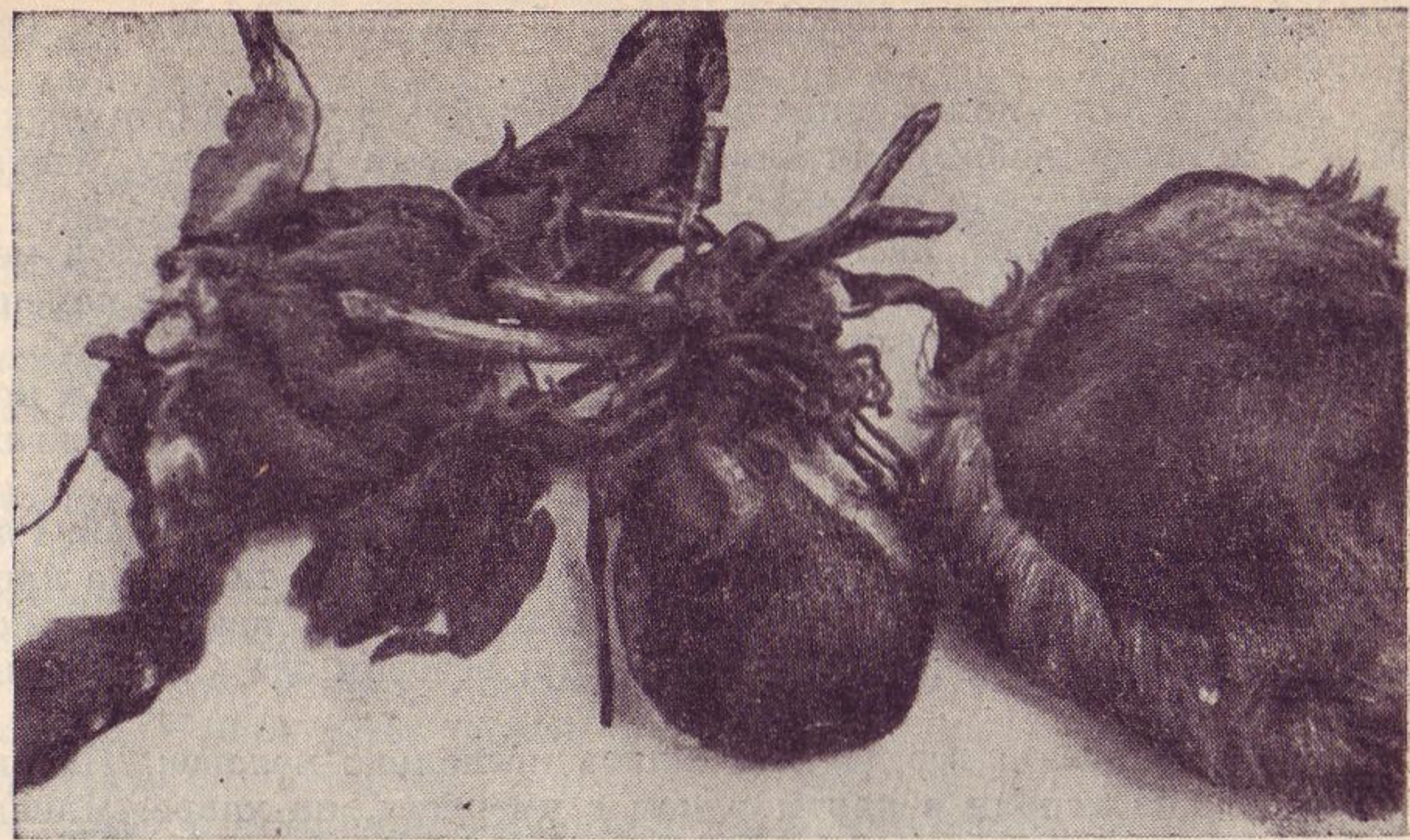

Рис. 5. Набор охранителей, пос. Манила.

третий день. Так как у покойного не было смертной одежды, то ее за два дня сшили. Похоронная одежда, хотя дело было летом, состояла из зимней кухлянки, длинных меховых штанов, шапки, рукавиц, пояса и коротких сапог (плекит). В рукавицы с лицевой стороны было вшито четыре красных лоскутка. (Раньше такие лоскутки делали из ровдуги, окрашенной в красный цвет.) Головки сапог были украшены пятью красными лоскутками, а пояс сплошь расшит цветным бисером. Поперечные полосы из бисера были вшиты и в штаны под коленями. Подол кухлянки оторочили широкой ровдужной полосой с бисерной вышивкой и традиционным удлинением сзади, так называемом хвостом (нойхиль), а к капюшону спереди пришили ровдужные завязки, чтобы закрыть лицо. Из красной материи (вместо красной ровдуги) был сшит мешок для запасов дорожного продовольствия и одежды. На лицевой стороне мешка вышили бисером Т-образную вставку.

В качестве сопроводительного инвентаря были изготовлены небольшой лучок и стрелы с подвешенными к ним бусинами. Небольшое деревянное копьё, также специально изготовленное, было снабжено налезвийным чехлом. К копьё подвязали звонок, крупную красную бусину и кружку. Древко копьё обвили красной материей. К связке «оружия» приобщили две лучинки, связанные красной ниткой крест-накрест. В особом, расшитом бисером мешочке находились огниво и янтарь (докупной), заменявший, по словам наших информаторов, красный красящий камень, очевидно охру. Этот мешочек был украшен нашитой на него бисерной розеткой.

Преобладание в украшениях красного цвета, снабжение покойного «красным камнем» — охрой, по-видимому, является пережит-

ком обряда посыпания покойного охрой или раскрашивания его в красный цвет.

А крест, как и положенная в рукав покойного юкола (это могли быть и кетовые жабы) считались необходимыми умершему, чтобы отбиться на том свете от собак.

Согласно обычаю, на грудь покойного, когда он лежал в доме, была положена плоская овальная галька. После похорон этот камень был приобщен к семейным святыням.

Все лоскутки от шитья одежды, стружки от стрел собрали и положили в мешок, там, где находилась запасная одежда, и сожгли вместе с умершим.

В течение двух дней умерший лежал на полу под простыней. Рядом на двух коврах располагались близкие. Здесь, а также на кровати кроили и шили одежду; ели. Для покойного на низком столике стояла чашка с чаем, яйцо, хлеб и сахар; вечером здесь поставили водку в стакане.

Около мертвого всегда находились несколько человек. Ночью провожающие играли в карты рядом с умершим, на ковре. Члены семьи бодрствовали всю ночь. Обращавшиеся к мертвому со словами прощания дотрагивались до его подбородка.

В смертную одежду умершего обрядили перед выносом из дома. Одевать начали со штанов и обуви. Тщательно собрали и упаковали все приготовленные для дальней дороги вещи (мешок с продовольствием, кружку и т. д.).

Распорядительницей на похоронах, согласно обычаю, была «знающая бабушка», пожилая соседка, по окончании церемонии получившая в качестве платы (подарка) сумку с угощением. «Бабушка» выступала в роли хранителя традиции — она одевала покойного, исполняла многие другие ритуалы и оставалась в доме все время похорон, чтобы встретить провожавших. Она же перед похоронами производила важный обряд — на узком ремешке завязывала узелки по числу членов семьи умершего. Этот ремешок она привязывала к поясу покойного (или к нартам) и во время выноса тела обрезала так, чтобы с мертвым осталась только часть ремешка с одним узлом. Ремешок с узелками по числу живых членов семьи вместе с плоским камнем, лежавшим на теле покойного, «бабушка» передавала на хранение старейшей женщине семьи. Одной из обязанностей распорядительницы было плетение жгутов из травы или жильных ниток с заячьей шерстью, считавшейся целебной; жгуты клали на подушки членам семьи умершего. (Каждый член семьи пришивал жгут к своей одежде или привязывал к рукаву и носил, пока он сам не отпадал. Полагали, что с отпавшими жгутами уходят и болезни.) Каждое свое действие «бабушка» сопровождала наговорами, но произносила их так, чтобы никто не слышал. Записать тексты заговоров не удалось. По словам наших информаторов, суть их в том, чтобы всем было хорошо, так, как нужно.

Ритуала «оплакивания» покойного не производилось, но близкие родственники плакали и даже обращались к покойному с упреком по-русски, зачем он ушел так рано (ему было 27 лет).

Утром в день похорон ели юколу, затем на умершего надели одежду (только верхнюю), а сапоги (плеки) надели без меховых чулок и стелек в них не вкладывали. Рукавицы надели наоборот: на левую руку — правую, а на правую — левую. Перед одеванием покойного лицо ему протерли куском мха, смоченным водой.

Выносили тело мужчины. В дорогу покойному предполагалось забить собаку. Однако ее не могли отыскать и обошлись без жертвы. По обычаю, жертвенную собаку полагалось класть на землю, а каменцы насаживали ее голову на кол. На шею такой собаки надевали ошейник из травы.

Тем, кто помогал одевать покойного, повязывали с наговором травяные повязки на один рукав.

Гадание о том, где умерший желает быть похороненным, не производилось, так как в пос. Манила сложилась традиция сжигать покойных примерно в одном месте, где сохранились заросли кедрача.

Выехали к месту сожжения на двух тракторах с тракторными санями. Члены семьи сидели рядом с покойным. Они везли с собой продукты для угощения, спиртное. На месте похорон мужчины рубили тальник, женщины оставались около умершего; часть из них занялась приготовлением угощения и чая.

Кострище в виде прямоугольника было около полутора метров высотой. Чтобы костер загорелся сразу, в разные его места среди поленьев были заложены стружки. Умершего возложили на поленницу двое мужчин и женщина. Ориентировав труп лицом на восток и развязав завязки на капюшоне, они закрыли тело лесинами и хворостом и спрыгнули с кострища, каркая по-вороньи. Костер зажгли с восточной стороны. Присутствующие угощались и перед сожжением, и во время горения погребального костра.

Согласно обычаю, после сожжения все участники похорон сразу же возвращаются в поселок. Но в связи с тем, что недавно после трупосожжения возник пожар, по настоянию сельсовета около кострища оставили дежурных. Таким образом, жизнь внесла в похоронный обряд коряков новшества.

Возвращающиеся с похорон по дороге обмахивались ветками, а около дома им под ноги бросали золу. Все мыли руки и пили воду. В доме покойного были устроены поминки по русскому образцу.

При опросе выяснилось, что значительная часть наших информаторов не имеет четкого представления о сущности церемоний. Например, на вопрос, почему умершего кладут лицом на восток, были получены ответы: «Так как там солнце», «Так лучше». Наши информаторы припомнили, что в том случае, если человек утонул или потерялся, т. е. при отсутствии трупа, «похороны» производились с рядом наговоров, также шили смертную одежду, которую сжигали. Рукводила церемонией также «знающая бабушка».

Носильные вещи умершего делили между собой близкие родственники.

Из расспросов лиц старшего поколения выяснилось, что о «потустороннем мире» у пенжинских коряков существовали весьма смутные представления, сводившиеся к тому, что путь мертвому пре-

граждают собаки, которых необходимо умиловить или отогнать; что на том свете все наоборот, когда на земле лето — там зима, что по хвостовому удлинению на кухлянке родственники узнают своего сородича и радуются. Сохраняется представление и о том, что в «верхний мир», подобный земному, попадают лишь те, которые похоронены в соответствующей одежде, что часть умерших оказывается в нижнем мире. В связи с этим нам был сообщен интересный факт. Когда в с. Парень доставили первый трактор и коряки увидели, как он передвигается, то некоторые старые женщины очень забеспокоились, чтобы он не передал души умерших, живущих в подземном мире⁹. Виденный нами похоронный обряд в общих чертах соответствует корякской традиционной похоронной церемонии, описанной еще в конце XVIII в.¹⁰, и за последние два столетия не претерпел больших изменений. В разных районах Корякского автономного округа традиционная похоронная обрядность в общем одинака¹¹.

Собранные нами в Корякском автономном округе материалы свидетельствуют о том, что архаические корякские религиозные представления частично утрачены, частично отошли в область воспоминаний. Так, например, представления, связанные с промысловыми церемониями, самой яркой и существенной чертой корякской обрядности, приобрели крайне расплывчатый вид. Праздники стали восприниматься как формальные магические действия. Семейные святыни-охранители отчасти утратили свой статус и превратились в реликты, сохраняемые в некоторых семьях женщинами старшего поколения. Более стойко бытуют похоронные обряды, некоторые представления о потустороннем мире, о переселении душ и возможности их возрождения. Однако и этот слой верований и ритуалов характерен главным образом для лиц преклонного возраста.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гурвич И. С. Корякские промысловые праздники. — В кн.: Сибирский этнографический сборник, вып. 4. М., 1962.

² Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. — Л., 1973, с. 39—46; Малюкович В. Н. Ланиты счастья. (Корякский праздник). — Петропавловск-Камчатский, 1974.

³ Гурвич И. С. Корякские промысловые праздники, с. 247.

⁴ Богораз В. Г. Чукчи, т. 2. — Л., 1936, с. 46—64; Гурвич И. С. Новые материалы о традиционной культуре чукчей. — СЭ, 1979, № 2.

⁵ Jochelson W. The Koryak, v. 1. — Leiden — New-York, 1905, p. 33—35.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid., p. 44.

⁸ Лисий мех использовался во время похоронной церемонии коряков еще в XVIII в. См.: Косвен М. О. Из истории этнографии коряков в XVIII в. — В кн.: Сибирский этнографический сборник, вып. 4. М., 1962, с. 290.

⁹ Сообщение З. И. Азайпиной, пос. Манила.

¹⁰ Косвен М. О. Из истории этнографии коряков..., с. 290—291.

¹¹ См., напр.: Тюшев В. Н. По западному берегу Камчатки. — Спб., 1909; Гурвич И. С., Яйлеткан А. Н. Ачайваямская группа коряков-оленевонов. — В кн.: Краеведческие записки. Петропавловск-Камчатский, 1971; Лебедев В. В. Похоронный обряд ачайваямских коряков-оленевонов. — В кн.: Полевые исследования Института этнографии в 1975 г. М., 1977; Семейная обрядность народов Сибири. — М., 1980, с. 216—221.